

А С Я.

Разсказъ Сергѣя Городецкаго.

Перепечатка воспрещается.

Моя старшая сестра, Ася, пропала безъ вѣсти подь Мукденомъ, во время отступленія. Она была одной изъ первыхъ русскихъ дѣвушекъ, ринувшихся въ сестры милосердія въ самомъ началѣ войны. Впрочемъ, въ ней всегда жилъ какой-то порывъ къ подвигу и самопожертвованію, и быть сестрой милосердія ей какъ нельзя болѣе подходило.

Когда я получила эту страшную вѣсть о ея гибели, то, кромѣ безысходнаго горя и тоски безутѣшной, я почувствовала въ ея смерти вѣянье какого-то еще иного ужаса.

Мы часто говоримъ о судьбѣ, о рокѣ, какъ о ничего незначащихъ вещахъ, но когда вдругъ эти слова пріобрѣтаютъ смыслъ, мы пугаемся и старовимся безпомощны, какъ дѣти.

Такъ было и со мною. Я прожила цѣлый годъ отшельницей, оплакивая свою сестру, и на всю жизнь остались во мнѣ отъ этого времени неприятная мнѣ самой робость и растерянность.

Мы съ Асей до самаго почти ея отъѣзда на войну жили неразлучно. Раннее наше дѣтство прошло въ небольшомъ нашемъ родовомъ имѣніи, по сосѣдству со Спаскимъ-Лутовиновымъ, священнымъ для насъ съ первыхъ же дней сознательной жизни Тургеневскимъ гнѣздомъ. Въ домѣ у насъ былъ культъ Тургенева. Мать часто намъ разска-

зывала, какъ онъ однажды, принимая ее съ подругами, вышелъ въ ермолкѣ и, разводя руками, воскликнулъ: „Ахъ, какой цвѣтникъ!“ Намъ почему-то очень нравилось это восклицаніе.

Когда пришла пора отдать насъ въ гимназію, мы переѣхали въ губернской городъ, тоже тѣсно связанный съ именемъ Тургенева, и поселились почти на окраинѣ, невдалекѣ отъ красиваго обрыва съ покинутой усадьбой, описаннаго въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“.

Ася росла дикой, замкнутой дѣвушкой. Я всегда ей завидовала, что она была похожа на героинь нашего любимаго романиста. А что она была на нихъ похожа, это было общее мнѣніе.

У нея были большіе, кругловатые, пытливые глаза подь очень тонкими бровями, прямой носикъ и тонкія, красиво изогнутыя губы. Каштановые, необычайно мягкіе, волосы лежали всегда просто и гладко. Крохотныя, изящныя, съ восковыми пальцами ручки непрестанно двигались, хрустѣли, беспокоились. Она могла бы быть со всѣмъ величественной, какъ настоящая героиня, но небольшой ростъ и миляя крупныя веснушки спасали ее отъ этого, придавая ей обликъ какую-то интимную нѣжность.

Конечно, она не была красавицей, но влюбляться въ нее стали очень рано.

Про мою наружность не стоило бы говорить, но, чтобы больше ужъ не возвращаться къ этому, скажу, что я была такой же, какой осталась навсегда: толстухой-блондинкой, гораздо выше Аси, съ плоскимъ, незначительнымъ лицомъ, до котораго не доходили никакія чувства, какъ бы ни были они глубоки вѣнутри.

Днемъ мы сидѣли въ гимназін, вечеромъ гуляли съ знакомыми гимназистами, потомъ, дома, наскоро пройдя уроки, ложились въ постели и подолгу мечтали вслухъ.

Говорила больше я, Ася же отвѣчала коротко, лежа съ закрытыми глазами, но я отлично знала, какъ богата ея скрытная душа, и сколько бы могла она рассказать, если бы захотѣла.

У насъ были двоюродные братья, Мутановы, Федя и Петя. У нихъ почти каждый праздникъ собирались потанцевать и поиграть во всякія игры.

У нихъ же мы встрѣтили въ первый разъ Алешу Лютицкаго. Онъ былъ высокій и сильный, хотя слишкомъ откормленный, такъ, что глаза даже слегка заплывали. Больше всего заботился онъ о томъ, чтобы волосы у него стояли ежикомъ, но они рассыпались и вились на вискахъ.

Я влюбилась въ него съ перваго же взгляда.

Онъ на меня и смотрѣть не хотѣлъ, занятый Асей.

— Я такъ и думалъ, что васъ зовутъ Асей,—сказалъ онъ ей, когда ихъ познакомили:—я про васъ читалъ у Тургенева.

Ася обыкновенно дѣлала гримаску, одну изъ своихъ прелестныхъ гримасокъ, когда ей говорили эту надобившую ей мысль, но или Алеша Лютицкій тронулъ ее своимъ голосомъ, или самое выраженіе мысли показало ей новымъ,—только она отнеслась сочувственно къ нему, не гнала его отъ себя весь вечеръ и даже позволяла брать и разглядывать свою руку.

Какъ сейчасъ помню: большая, бѣлая комната съ чернѣющими окнами въ проти-

воположныхъ стѣнахъ, маленькій японскій столикъ у стѣны, на немъ Асины руки, надъ рукой лицо Алеши Лютицкаго, а я, въ углу, одна сижу, какъ деревянная, ни съ кѣмъ не говорю, чувствую отчаяніе и скорбь смертельную, и знаю, что толстое лицо мое красно и равнодушно.

Съ этого дня начались мои пытки.

Ася оставалась совершенно равнодушной къ Лютицкому, тѣмъ не менѣе ее почему-то занимало рассказывать мнѣ до мельчайшихъ подробностей про ихъ разговоры, про то, какъ онъ на нее поглядѣлъ, какъ вздохнулъ, и какъ она сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ. Повторялась обычная исторія: про тѣ же самые взгляды и вздохи и съ тѣмъ же самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ Ася рассказывала мнѣ ужъ не разъ,—только вмѣсто скуки и испытывала теперь особенныя мученія.

Имъ суждено было еще усилиться.

Алеша Лютицкій однажды подошелъ ко мнѣ на прогулкѣ, чего никогда не дѣлалъ, и сказалъ, что ему надо поговорить со мною по секрету.

Я покраснѣла отъ счастья и какой-то мгновенной надежды.

Мы пошли береговой дорожкой городского сада, гдѣ вообще ходили только тогда, когда дѣло шло о какой-нибудь тайнѣ.

— Я знаю, какъ вы ко мнѣ расположены,—сказалъ Алеша Лютицкій.

Я мотнула головой, онѣмѣвъ отъ удовольствія.

— И я знаю, что вы исполните мою просьбу.

— Какую?—шопотомъ спросила я.

— Очень трудную. Исполните?

Господи! Чего бы только я не исполнила для него! Броситься внизъ, подъ обрывъ? Бросилась бы. Убить Жужелицу, директора гимназін, гдѣ Алеша учился? Убила бы. Убѣжать на край свѣта за цвѣточкомъ какимъ-нибудь? Вотъ сейчасъ бы побѣжала.

— Исполню, — шепнула я и, должно-быть, съ такой преданностью въ голосъ, что онъ схватилъ мою руку и крѣпко пожалъ ее.

— Пожалуйста, передавайте мои записочки Асѣ, а мнѣ ея, — самому мнѣ очень трудно. Вотъ первая.

Я кубаремъ свалилась съ неба на землю.

„Дура! Дура!“ хотѣлось мнѣ кричать на себя.

— Хорошо, — сказала я: — давайте.

И я стала передавать ихъ записочки, маленькія, замысловато сложенныя, — все, какъ слѣдуетъ, — иногда даже подъ сургучной печатью.

Я не разъ плакала отъ досады и зависти, что не мнѣ, не мнѣ пишутся эти кругловатая буковки, что не мнѣ, не мнѣ первой вскрывать эти записки. Вѣдь черезъ нѣсколько часовъ Ася давала мнѣ ихъ читать незамѣнно.

Тамъ было все, какъ всегда бываетъ: и клятвы въ любви до гроба, и просьбы прислать хоть одинъ, самый маленькій, локонъ, и стихи.

Ася читала съ любопытствомъ, но потомъ тотчасъ забывала и бросала бумажки. Я ихъ хранила свято. Я ихъ читала безъ конца — до тѣхъ поръ, пока мнѣ не начинало казаться, что онѣ написаны мнѣ.

Помню, однажды было написано:

„Если вы не думаете, что судьба насъ связала навсегда, вы ошибаетесь“.

— Думаю, думаю! — кричала я надъ этой запиской и цѣловала милыя строки.

— Глупости, — сказала Ася.

Она ему отвѣчала рѣзко и всегда очень холодно. Когда ей переписка стала надоѣдать, она написала Алешѣ:

„Я могу быть для васъ только сестрой милосердія“.

На гимназическомъ языкѣ это значило, что романъ конченъ, что романа собственно не было, и что влюбленный можетъ рассчитывать только на полупрезрительное снисхождение къ его письмамъ и объясненіямъ.

Обычно слѣдовали послѣ этой фразы бурныя сцены упрековъ и укоровъ въ измѣнѣ и новыя пламенные изліянія.

Алеша Лютицкій пересталъ писать Асѣ. Мы стали рѣже съ нимъ видѣться. Я замѣтила вскорѣ, что онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ.

Была поздняя весна, приближались экзамены, черемуха стояла вся въ цвѣту.

Какъ сейчасъ помню, выхожу изъ гимназіи и вижу: Алеша стоитъ какъ разъ противъ дверей. Это строго запрещалось: можно было только проходить мимо, не останавливаясь. Значить, дѣло было важное, если онъ и самъ рисковалъ и ту, кого ждалъ, подводилъ. А онъ ждалъ меня. Я это увидѣла сразу по радостному его движенію, съ какими онъ бросился ко мнѣ.

— Идите на ту сторону и ждите на углу, — сказала я ему, потому что знала, что слѣдомъ за мной идетъ классная дама.

Онъ не послушался, пошелъ рядомъ; онъ умолялъ устроить ему свиданіе съ Асей, первое и послѣднее, и сегодня же вечеромъ.

Я обѣщала помочь. Оставалось только условиться о мѣстѣ. Мы подходили къ площади. Трамвай пересѣкалъ намъ дорогу — только-что тогда построенный.

Вдругъ сзади раздался знакомый, противный своимъ мертвымъ спокойствіемъ, голосъ классной дамы.

— Прыгайте въ трамвай! — шепнула я Алешѣ, спасая его отъ непріятности.

Онъ колебался, терялъ послѣднюю секунду, потому что мы еще не условились о мѣстѣ.

И вдругъ счастливая мысль пронеслась въ моей головѣ:

— „Дворянское гнѣздо“, — крикнула я: — да, именно „Дворянское гнѣздо“!

Онъ, весело улыбувшись, прыгнулъ въ трамвай и умчался, а я, тоже веселая отъ своей выдумки, повернулась къ классной дамѣ. Она слышала, что я кричала, и мнѣ легко было выпутаться.

А „Дворянскимъ гнѣздомъ“ у насъ называлось то мѣсто, которое описано въ этомъ романѣ. Алеша понялъ, конечно, что я назначила ему свиданіе съ Асей тамъ.

Но мимолетную мою радость смѣнила тяжелая тоска. Ася очень неохотно согласилась на свиданіе, и мнѣ же пришлось ее упрашивать. Если бы мнѣ назначалось это свиданіе! Полетѣла бы, кажется, скорѣй, чѣмъ на крыльяхъ.

Ася замѣтила, что я слишкомъ горячо ее упрощиваю.

— Хочешь, иди вмѣсто меня, — сказала она: — я уступаю.

И сощурила пренебрежительно свои сѣрые глаза.

Это было слишкомъ.

Я расплакалась такъ, что у меня щеки опухли. Пока я возилась съ холодной водой, Ася ушла.

„Вотъ теперь они сидятъ тамъ вдвоемъ, я даже скамейку эту знаю, которой съ улицы не видно“, — думала я, и новыя слезы подступали къ горлу.

И вдругъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаю, я сорвалась съ мѣста, выбѣжала въ садъ и пошла туда, гдѣ были они.

— Ты идешь подсматривать, подслушивать, гадкая, презрѣнная! — говорила я сама себѣ и не слушала этихъ словъ.

Улица выходила прямо въ поле, алая рѣчка изгибалась въ зелени, солнце садилось въ тучахъ мрачно и зловѣще. Мнѣ это нравилось.

Съ замирающимъ сердцемъ я толкнула ветхую калитку и вошла въ садъ.

У насъ форменное платье сѣрое; кто франтить, носить совсѣмъ свѣтлое сѣрое, и я издали еще увидѣла Асю. Она стояла, какъ тѣнь, въ глуши деревьевъ. Передъ нею сидѣлъ Алеша Лютицкій.

Я обошла кругомъ и подкралась съ той стороны, откуда мнѣ было видно его лицо.

Никто не называлъ Алешу красивымъ, но теперь лицо его было прекрасно. Какъ-то расширились и раскрылись его глаза; четкія линіи рта выражали страданіе. Онъ то шепталъ, то говорилъ громко. Когда я подошла, стараясь ни одной вѣточкой не хрустнуть, онъ выкрикивалъ гнѣвно:

— Ну что жъ такое, что вы старше меня! Я ужъ не мальчишка!

Потомъ со стономъ онъ опускалъ голову и говорилъ тихо, будто самъ себѣ:

— Ася, вѣдь мнѣ отъ васъ ничего не надо, ничего. Вѣдь если бъ только руку я вамъ поцѣловалъ, я умеръ бы отъ счастья. Мнѣ только одно надо, чтобы вы повѣрили...

Голосъ его опять былъ громокъ. Онъ всталъ:

— Чтобъ вы повѣрили въ мою любовь, въ нашу судьбу. Знаете, въ пустыню, въ которой конца нѣтъ, я не побоялся бы пустить васъ съ одной стороны, а самому войти въ нее съ другой: я тотчасъ бы васъ нашелъ въ ней. Что въ пустынѣ! Въ стотысячной толпѣ я васъ нашелъ бы.

Ася улыбнулась холоденькой, кривой улыбкой. Я чувствовала къ ней острую ненависть за эту улыбку. Алеша продолжалъ:

— Да, мы съ вами разные по виду, но въ глубинѣ насъ живетъ одна и та же сила; вѣдь за это я и полюбилъ васъ. Если бъ вдругъ случилось какое-нибудь всеобщее несчастье—пожаръ всего города, землетрясеніе, я не знаю, что еще—то повѣрьте, мы съ вами встрѣтились бы на самомъ опасномъ мѣстѣ.

Онъ наклонился къ Асѣ—онъ на цѣлую голову былъ выше ея — и опять говорилъ тихо:

— Вотъ эти милыя веснушки, эти спутанныя рѣсницы, эта глубокая, спокойная вода въ глазахъ заставляютъ меня дрожать, какъ листокъ осины. Ничто на свѣтѣ—ни книги ни музыка—не волнуешь во мнѣ того, что волнуется отъ этихъ веснушекъ и глазъ. Вы меня не любите, Ася, но мы погибнемъ вмѣстѣ!..

Наконецъ-то и Ася сказала слово:

— Не надо, милый, — сказала она и погладила его по рукѣ. — Вы, должно-быть, стиховъ начитались или романовъ, а я очень простая, очень трезвая, и никакой особенной во мнѣ силы нѣтъ; я не понимаю, что вы говорите. Забудьте меня, мнѣ непріятно, что вы мучитесь напрасно.

— Вы себя не понимаете, Ася, — отвѣтилъ онъ печально.

Но, вѣроятно, прикосновеніе ея руки успокоило его. Онъ утихъ, опять сѣлъ. Ася сѣла съ нимъ рядомъ, какъ чужая, какъ сестра милосердія надъ порученнымъ ей больнымъ. Подъ деревьями стемнѣло, солнце закатилось, и высоко въ небѣ послѣднимъ

вечернимъ огнемъ горѣли длинныя перистыя облака.

Я чуть не плакала въ своемъ тайникѣ за стволами. Мнѣ ужъ не было стыдно, что я подглядываю и подслушиваю, мнѣ было грустно, грустно...

Я не знаю, видѣлись ли они послѣ этого свиданія. Кажется, нѣтъ. И переписка прекратилась совершенно. А съ осени Лютицкій перевелся въ другую гимназію, въ другой городъ. Я стала учиться лучше, пополнила и повеселѣла, потому что мнѣ легче было только мечтать о недосыгаемомъ, чѣмъ видѣть его вблизи.

Черезъ годъ Ася окончила гимназію, и началась обычная проба: она хотѣла на курсы въ столицу, родные же хотѣли выдать ее замужъ, тѣмъ болѣе, что и женихъ подвертывался: вновь назначенный преподаватель математики. Родные говорили Асѣ, что онъ скромный, не поетъ, миловидный, и что, если она не поторопится, его женятъ на купеческой дочкѣ. Ася, къ удивленію моему, послѣ всѣхъ мечтаній о курсахъ обмолвилась однажды, что ей, собственно говоря, все равно. Еще одна зима прошла въ переговорахъ, балахъ и вечерахъ, а весной Асю перевѣчали съ математикомъ. Старожилы называли ее одной изъ самыхъ красивыхъ невѣстъ за послѣдніе годы.

Она не измѣнилась нисколько, выйдя замужъ, а я стала понимать, что ея равнодушіе скрываетъ какія-то спящія силы, которыя только ждутъ своего времени, чтобы бурно прорваться.

Мужъ ея оказался простымъ, безобиднымъ человѣкомъ. Онъ былъ сильно въ нее влюбленъ и не обижался на ея холодность, говоря, что ему нравятся именно загадочныя натуры. Мы были съ Асей попрежнему дружны, и у меня оставалось впечатлѣніе, что длится наша гимназическая жизнь.

Осенью пришло письмо отъ Лютицкаго. Онъ писалъ Асѣ, что, узнавъ объ ея замужествѣ, поздравляетъ ее, счастья не желаетъ, потому что оно здѣсь невозможно, но желаетъ спокойной жизни, и что замужество это ничего не значить.

Асю нѣсколько разсердилъ увѣренный тонъ письма, она разорвала его, но позвала меня къ себѣ ночевать въ этотъ день, и мы до утра проговорили объ Алешѣ Лютицкомъ.

Потомъ письмо было забыто, и для Аси потянулась обычная ея жизнь. Правда, ее нельзя было назвать счастливой. Это было однообразное чередованіе дней. Готовясь къ выпускнымъ экзаменамъ, я стала рѣже видѣть Асю, но тѣмъ замѣтнѣй были для меня въ ней вспышки какого-то безпредметнаго безпокойства. Она подурнѣла, научилась тихо и подолгу жаловаться на жизнь, которая оказалась такой скудной и сѣрой.

Отъ такихъ настроеній ее на время избавило материнство. Готовясь къ нему, она стала похожей на мадонну, затаившую въ себѣ чудесную улыбку жизни. Но ребенокъ родился у Аси слабымъ и прожилъ недолго.

Уѣзжая въ Петербургъ, чтобы поступить на медицинскіе курсы, я оставила Асю опять въ гнетущемъ, мертвомъ состояніи. Ее ничто не привлекало больше, а по вечерамъ она какъ-то странно стала заслушиваться колокольнымъ звономъ.

Мы переписывались рѣдко. Новая жизнь поглотила меня совершенно, и все наше прежнее, домашнее, все болѣе начинало мнѣ казаться чѣмъ-то мелкимъ, незначительнымъ, лежащимъ внѣ событийъ міра, внѣ настоящей жизни.

Даже услышавъ отъ кого-то, что Алеша Лютицкій отбываетъ военскую повинность, я отнеслась къ этой вѣсти о немъ такъ равнодушно, что сама себѣ удивилась.

Хорошее это было, кипучее время. Я усердно занималась науками, бѣгала изъ театра въ театръ и еле сдерживала себя, чтобы не броситься съ головой въ политику. Программы лѣвыхъ партій увлекали меня, какъ въ дѣтствѣ не увлекали романы, но не хватало мнѣ въ нихъ чего-то русскаго.

Въ это время грянула война.

И вдругъ, вернувшись какъ-то послѣ лекціи къ себѣ домой, я увидѣла въ своей комнатѣ Асю. Въ первую минуту я не узнала, что это она.

Въ бѣломъ платкѣ сестры милосердія, въ сѣромъ платкѣ, напоминающемъ наши гимназическія, съ расширившимся и напуганными глазами, она казалась поху-дѣвшею и постарѣвшею на первый взглядъ.

Но какъ только я заговорила съ нею, я почувствовала, что она ожила. Съ жаромъ, то смѣясь попрежнему, то становясь по-новому грустной, она рассказала мнѣ, какъ ярко вспыхнуло въ ней рѣшеніе итти въ сестры милосердія при первыхъ же вѣстяхъ о войнѣ, какъ трудно ей было уѣхать изъ дому, и какъ она упорно стояла на своемъ, сколькохъ хлопотъ стоило ей поступленіе въ общину, какъ трудно было попасть въ первую же партію сестеръ, отправляемыхъ на войну, и какъ она счастлива теперь.

Я видѣла, что она была счастлива.

Три дня, которые оставались ей до отъѣзда, мы провели, не отрываясь другъ отъ друга. Я показывала ей Петербургъ, своихъ знакомыхъ. Она на все смотрѣла жадными глазами, но видно было, что ничто ее не занимаетъ, кромѣ внутренняго ея огня, который весь былъ устремленъ туда, на востокъ. Объ Алешѣ Лютницкомъ мы не упомянули ни слова.

Когда я провожала Асю, у меня защемило сердце; но проводы были такіе теплые и въ то же время торжественные, что мы разстались бодро, почти восторженно.

Я видѣла Асю въ послѣдній разъ.

Вѣсти съ войны приходили одна другой тяжелѣе. Я была сердцемъ вмѣстѣ съ тѣми, кто тосковалъ и плакалъ надъ несчастьемъ родины. Я не могла понять, какъ могутъ такія бѣды хоть косвенно принести пользу.

Письма отъ Аси были короткія и смятенныя.

Такъ длилось всю весну.

Наступили томительные дни боевъ подъ Шахе. До этого долго не было писемъ отъ Аси. И вотъ пришло письмо, которое за-слонило отъ меня и судьбу Россіи и всю жизнь, и опять, какъ въ прежніе дни, при-ковало сердце къ маленькому, личному, своему. Ася писала коротко и сухо и такъ,

какъ-будто ничего не прерывалось съ давнихъ гимназическихъ дней. Она писала, что Алеша Лютницкій сошелъ съ ума въ передовыхъ окопахъ подъ Шахе, не выдержавъ двухнедѣльнаго сидѣнія въ землянкѣ по колѣни въ водѣ, подъ непрерывнымъ огнемъ. Она не писала, какъ они встрѣтились. Она не писала ничего про себя, кромѣ трехъ словъ: я съ нимъ.

Послѣ этого письма я какъ-будто потеряла способность ощущать текущую жизнь. Я цѣлыми часами могла просиживать, какъ въ полуснѣ, отдаваясь воспоминаніямъ. Неотступно стоялъ передо мной Алеша Лютницкій такимъ, какимъ онъ былъ тогда на свиданіи. Я галлюцинировала его голосомъ, я припоминала всѣ его фразы. Да, въ нихъ горѣла одна и та же сила. Да, во время всеобщаго несчастья они оба оказались на самомъ опасномъ мѣстѣ.

Я дрожала при каждомъ звонкѣ, ожидая новыхъ вѣстей.

Но ихъ больше не было.

Я была безучастна къ новымъ несчастьямъ на войнѣ, къ Цусимѣ, къ перемирію, къ миру; точныхъ свѣдѣній объ Асѣ нигдѣ не могли дать, а она сама не писала ничего.

Лѣтомъ пріѣхалъ ея мужъ.

Мы стали вмѣстѣ рыскать по канцеляріямъ, добываясь хоть какихъ-нибудь извѣстій объ Асѣ.

Такъ прошелъ мѣсяць.

Мы измучились, мы отчаялись, мы потеряли всякую надежду, и наконецъ намъ сказали, что сестра милосердія Ксенія Петрова пропала безъ вѣсти подъ Мукденомъ.

Невыносимымъ казалось мнѣ въ первые дни пережить эту ужасную гибель, это безслѣдное исчезновеніе съ лица земли.

Я бросила курсы, вернулась домой и цѣлый годъ прожила въ тупомъ, безпросвѣтномъ мракѣ. Возвращало меня къ жизни только воспоминаніе объ Асѣ. Я собрала уцѣлѣвшія вещи ея, я восстановила ея комнату. Ея мужъ приходилъ сюда, и мы вмѣстѣ, какъ въ единственно свѣтлый для насъ обоихъ сонъ, погружались въ воспо-

минанія. Я знала всю Асину жизнь, онъ— послѣдніе ея годы. Часто она оживала передъ нами, мнѣ казалось сквозь слезы, что она здѣсь, передо мной...

Культь Аси былъ островкомъ, куда спасались два человѣка, потерпѣвшихъ крушеніе: я и ея мужъ. Развѣ удивительно, что въ концѣ концовъ мы соединились. Впрочемъ, наша свадьба въ душной дере-

венской церкви была похожа на похороны: женихъ и невѣста плакали.

Досказывать ли? У меня дѣти. Въ моей жизни тишина. Но внезапно, въ неодолимомъ порывѣ, я бросаю все и ѣду къ Алешѣ Лютицкому въ сумасшедшій домъ. Онъ никого не узнаётъ. Онъ безнадеженъ, и его годы недолги. Когда онъ умретъ, начнется моя старость.